

— Подойди ближе, — прошептал Юй Шанчжи, — дай мне хорошенько на тебя посмотреть.

Его взгляд — цепкий, горячий, полный благоговейного изумления — ни на миг не отрывался от лица Вэнь Ецай.

Как это возможно? Как может человек быть настолько его — и характером, и душой, и даже лицом... Всё в нём, до мельчайшей черты, казалось созданным для того, чтобы попасть ему прямо в сердце.

А Вэнь Ецай всё ещё не мог прийти в себя от того, что происходило. Он смотрел на Юй Шанчжи, и тот смотрел в ответ — не в пространство, не в пустоту, не на голос, а прямо, уверенно, точно ему в глаза.

У Вэнь Ецай вдруг пересохло в горле, голос предательски дрогнул:

— Ты... ты правда видишь? Ты... видишь меня?

Юй Шанчжи тихо, но без колебаний кивнул.

И в ту же секунду Вэнь Ецай почувствовал, как что-то внутри оборвалось, глаза защипало так резко, что он не успел ни отвернуться, ни сдержаться. Слёзы сами покатались по щекам, горячие, тяжёлые, беззвучные. Он пытался сдержать их, отвернулся, крепился — но всё было напрасно. Слёзы падали одна за другой, как бусины с порванной нити.

А теперь уже Юй Шанчжи забеспокоился. Тот, кто всё это время лежал, обессиленный, теперь с трудом приподнялся, подтянул Вэнь Ецай к себе и обнял. Два тела слились в одном порыве — каждая грудь хранила своё: усталость, страх, радость, облегчение, любовь.

Некоторое время они молчали, прижавшись друг к другу, не в силах оторваться. Потом Вэнь Ецай чуть подался назад, придерживая Юй Шанчжи за плечо, помогая ему сесть ровнее. И в этот миг их взгляды встретились. Юй Шанчжи увидел: глаза Вэнь Ецай были красными не только от слёз, но и от бессонных ночей — по ним бежали тонкие сосуды, будто следы долгой тревоги и утомления.

Только подумав о том, как его супруг прошлой ночью наверняка снова не сомкнул глаз, заботясь о нём без отдыха, Юй Шанчжи почувствовал, как что-то горячо защемило у него в груди. Хрипло, с пересошим горлом, он прошептал:

— Спасибо тебе... А-Е, ты так устал из-за меня.

Вэнь Ецай, немного успокоившись после слёз, с силой стёр остатки с лица тыльной стороной ладони. Юй Шанчжи хотел было подать ему носовой платок, но рядом ничего не оказалось. Тогда он просто поднял рукав и сам принялся вытирать ему щеки.

Одну вытирает, потом другую — так по очереди, пока лицо Вэнь Ецай не стало похоже на мордочку пятнистого кота, всё в размазанных следах слёз. Юй Шанчжи, глядя на него, ощутил ещё более глубокую жалость и нежность. Он наклонился и тихо поцеловал уголок его глаза. Слёзы, солёные и терпкие, коснулись его губ, и он, казалось, запомнил этот вкус навсегда.

— Радость ведь... А ты вот как разрыдался. Сейчас расплчешься до того, что глаза распухнут,
— мягко, тихим голосом, как в колыбельной, уговаривал он.

Вэнь Ецай шумно втянул носом, снова с усилием провёл рукой по лицу.

— Сам не знаю, что со мной... Наверное, слишком радостно. А может, и злюсь на тебя.

Теперь уж Юй Шанчжи совсем опешил:

— Злишься? Когда это я тебя успел рассердить?

С покрасневшими от слёз глазами, нахмурившись, Вэнь Ецай посмотрел на него и сердито пробормотал:

— А ты сам как думаешь? Ты же совсем не жалеешь себя! А вчера... вчера-то, как ты себя довёл?! Я уже всё обдумал, если бы к утру у тебя так и не спала температура, я бы взял телегу и потащил тебя в уезд, к врачу!

Юй Шанчжи понимал: Вэнь Ецай испугался по-настоящему, испугался до глубины души — эти дни оставили в нём тень, от которой так просто не избавиться. Потому он сразу поспешил сказать:

— Признаю, был неправ. Больше никогда так не поступлю, честно.

Вэнь Ецай всё ещё нахмурившись, сморщил нос. Он и не был по-настоящему зол на Юй Шанчжи, но... но всё же. Увидев, как быстро тот признал вину, он замолчал, ничего не отвечая.

Юй Шанчжи в ответ мягко улыбнулся и чмокнул его ещё пару раз — в щёку, в уголок глаза. И вот, наконец, молодой гер не выдержал, губы дрогнули, и в его взгляде снова засветилось тепло. Слёзы уступили место слабой улыбке.

Уговорил. Добился своего.

С выздоровлением Юй Шанчжи, тень, нависшая над домом Вэнь в последние дни, словно развеялась. Лёгкость и радость снова наполнили стены. Хорошая новость вскоре долетела и до Вэнь-эрню с Вэнь-санья. Два ребёнка, держась за руки, вприпрыжку вбежали в комнату.

Вэнь Ецай, не желая, чтобы дети видели его заплаканное лицо, поспешно поднялся:

— Я пойду умоюсь.

В комнате остался только Юй Шанчжи. Хотя он всё ещё чувствовал слабость, но в глазах светилось оживление, в лице — румянец, и он выглядел гораздо бодрее, чем вчера.

— Идите-ка сюда, дайте брату Юю вас хорошенько разглядеть.

Вэнь-санья первым вскарабкался на кровать и устроился рядом, прижавшись к нему, а Вэнь-эрню встала рядом, сияя глазами, полными радости.

— Брат Юй, а ты теперь все-все видишь? — спросила Вэнь-эрню, заглядывая ему в лицо.

Юй Шанчжи кивнул и погладил по голове сидящего рядом Санья:

— Теперь вижу всё. А вы у нас хороши: Эрню — настоящая красавица, а Санья — просто прелесть.

Хотя на щеках Вэнь-санья и было всего чуть-чуть мягкой детской округлости, Юй Шанчжи, как и любой взрослый, не удержался — лёгонько ущипнул его за щёку.

Вэнь-эрню, услышав похвалу, самодовольно закивала, подбоченилась:

— А как же! Моя мама была самой красивой! Я тоже обязательно стану первой красавицей в деревне Селю!

Юй Шанчжи засмеялся и не нашёл в этих словах девочки ни капли преувеличения. Вся семья Вэнь и вправду была по-своему хороша собой, и нетрудно было представить, какими приметными, должно быть, были покойные родители Вэнь Ецай.

Детвора ещё немного повозилась у Юй Шанчжи, обнявшись и болтая, прежде чем, заметив, как в комнату с чашей воды и тарелкой каши вошёл Вэнь Ецай, нехотя спрыгнула с кровати.

После такой тяжёлой ночи, что стала настоящим испытанием, Юй Шанчжи всё ещё был слаб, и возвращение к силам требовало времени. Он не стал геройствовать, съел немного каши и снова лёг. Но в этот раз, прежде чем устроиться, он решительно потянул Вэнь Ецай за руку и уложил рядом:

— Один день не пойти на поле не страшно. А ты, А-Е, уже несколько ночей не сомкнул глаз. Самое время выспаться.

Вэнь Ецай сам уже был на пределе. Услышав слова Юй Шанчжи, он не стал возражать — послушно снял верхнюю одежду, лёг рядом, прижался к нему. Положение, в котором они уснули, почти ничем не отличалось от вчерашнего, но теперь на сердце было совсем другое — лёгкость, умиротворение и тёплая радость.

Они проспали без просыпу до самого вечера, и лишь когда солнце начало клониться к закату, оба проснулись. Как только в комнате раздался шум, вбежала Вэнь-эрню, хлопая себя по груди:

— Ай, да вы и правда заснули насмерть! Я столько раз заглядывала — уж боялась, что с вами что-нибудь стряслось!

Эти дни были тяжелы не только для взрослых — сперва заболели дети в деревне, потом Юй Шанчжи свалился с жаром. Хотя Эрню и вела себя как обычно, шумно, весело, тревогу она затаила глубоко внутри, совсем как её старший брат.

Вэнь Ецай, сколько себя помнил, ни разу в жизни не спал днём так долго. Но сон и вправду оказался лучшим лекарством — если перед этим он буквально валился с ног, то теперь чувствовал в теле силу и ясность в голове.

Выбравшись из-под одеяла, он быстро пригладил всклокоченные волосы:

— Пойду приготовлю ужин. Сегодня надо отметить хоть немного.

Юй Шанчжи и сам чувствовал себя куда лучше, не смог усидеть в постели и, одевшись, отправился следом.

После Цинмина ещё оставалось с десятков дней весенней стужи, и Юй Шанчжи это хорошо знал — в сад выходить не стал, чтобы снова не простыть. Но створка двери в приёмную была приоткрыта, и, сквозь неё, он мог видеть уютный, пусть и скромный дворик семьи Вэнь. В каждом уголке чувствовалась забота и тепло.

А ещё там, безмятежно лежа у порога, дремали Даван и Эрван — две охотничьи собаки, которые, как Юй Шанчжи теперь заметил, обе оказались настоящими «железными тиграми»: прямые спины, длинные ноги, взгляд цепкий — грозные и благородные.

Как и обещал Вэнь Ецай, ужин был по-настоящему праздничным, словно встретили Новый год. Раньше односельчане принесли немало даров — овощи, яйца, а самое ценное — ту самую старую курицу, уже пущенную в суп, и целый кусок вяленого мяса. Теперь Вэнь Ецай поджарил это мясо с молодым весенним джусаем, получилась целая ароматная тарелка. К тому же он впервые за долгое время отварил белый рис — полную бамбуковую пароварку блестящих, рассыпчатых зёрен, от которых шёл обжигающий, пьянящий пар.

Запах разносился по всей комнате. Даже Вэнь-санья, обычно клевавший по паре зёрен, ел так,

что головы от чашки не поднимал. Юй Шанчжи и сам съел с аппетитом.

После сытного ужина все разбрелись по скамейкам, переваривая еду. Вэнь-эрню, наевшись до отвала, с важным видом потёрла живот и звонко отрыгнула:

— Ох, как будто Новый год! Белый рис такой вкусный! Вот бы каждый день его есть, — девочка мечтательно вздохнула.

Вэнь Ецай щёлкнул её по носу с притворной строгостью:

— Каждый день белый рис? Ты что, возомнила себя барышней из семьи помещика?

Юй Шанчжи закатал рукава и вместе с остальными принялся убирать со стола. В голове же мелькнула мысль: а почему бы не поставить себе цель — чтобы моя семья действительно могла позволить себе каждый день есть белый рис?

В деревне ничего не утаишь — стоит чему-то случиться, и уж завтра будут знать все. Так и теперь: весть о том, что Юй Шанчжи прозрел, моментально облетела округу. На следующий день он с аптечкой за спиной пошёл по домам — осматривать тех, кто недавно болел. Где бы он ни появился, его встречали с радостью и почётом, а каждый прохожий обязательно здоровался, перекидывался парой добрых слов.

Когда он проходил мимо дома Ван Сяюя, Чан Цзиньянь и её подружки, лишь дождавшись, пока прочие соседи разойдутся, высунулись из двора. Чан Цзиньянь злобно сплюнула шелуху от арахиса прямо под ноги и ядовито буркнула:

— Ну и что, что прозрел? Глазки-то теперь круглосуточно уставлены в сторону этого их Вэньгера... Да уж, глядеть на такую рожу каждый день — и ослепнуть бы, может, было бы и не хуже.

На этот раз семье Ван повезло: хоть у старшего и второго сына были дети в самом уязвимом возрасте, болезнь их миновала. Чан Цзиньянь сразу списала это на защиту амулетов, что они просили в храме Гуаньинь на Новый год, и уже решила — пятнадцатого числа следующего месяца обязательно поведёт детей отблагодарить богиню.

Раз дети не заболели и не пришлось звать Юй Шанчжи, отношение семьи Ван к дому Вэнь ничуть не изменилось — по-прежнему снисходительное, с налётом презрения. Но Чан Цзиньянь довольно скоро заметила перемену: стоило ей, как прежде, ввернуть насмешку-другую про Вэней, как ответного гогота уже почти не было слышно.

Более того, кто-то, услышав очередное ядовитое замечание, в открытую ей возразил:

— Слушай, Цзиньянь, теперь ведь Юй-ланчжун — благодетель всей деревни. Он в семью Вэнь

вошёл, стал им зятем. С чего тебе и дальше языком чесать, как ни в чём не бывало? Поостереглась бы.

Чан Цзиньянь, услышав это, с грохотом кинула в сторону таз с бельём и с холодной усмешкой парировала:

— Ах, Чэн-гер, гляди ты какой важный стал, чуть ли не сам староста! Мне тут рот затыкаешь, будто сам раньше мало чего говорил? А теперь, смотрю, все вы в долгу у этого Юя, так и норовите в чужом глазу соринку найти, забыв про свои бревна?

Тот самый Чэн-гер скривил губы и, продолжая бить бельё в воде деревянной колотушкой, сказал:

— Человеку надо понимать, что за добро надо отплачивать добром. Да, раньше мы и вправду судачили о Цай-гере, этого не отрицаю. Но добро, что сделал Юй-ланчжун, мы тоже помним. А вот ты, Цзиньянь, вместо того чтобы целыми днями глаз с семьи Вэнь не сводить, лучше бы за своего Сяюй-гера переживала. Гляди, уж половина третьего месяца прошла, до сбора урожая осталось меньше полугода. Если Сяюй-гер так и не выйдет замуж, то в этом году в деревне налог за незамужнего гера платить останется только вам.

Это уже и вправду задело за самое больное. Чан Цзиньянь мигом прекратила стирку, в спешке скомкала мокрое бельё, затолкала его обратно в таз и, уходя, нарочно с размаху плеснула водой, забрызгав добрую часть одежды Чэн-гера. Заодно досталось и нескольким женщинам и герам по соседству, что стояли рядом и потешались.

Вернувшись домой, Чан Цзиньянь, глядя на таз с грязным бельём, злилась всё сильнее. Помолвка Ван Сяюя раньше была поводом для хвастовства и гордости, но с тех пор как появился Вэнь Ецай, это превратилось в занозу в боку всей семьи Ван.

Раздосадованная, она вбежала в комнату к Ван Сяюю.

Чан Цзиньянь всегда особенно баловала младшего гера, не позволяя ему касаться грязной или тяжёлой работы, велела только шить да готовить, да и то ради приличия. Но, возможно, избаловала слишком — в последнее время он стал всё ленивее, целыми днями сидел в комнате и не выходил.

Зайдя, она не увидела никого у стола, зато на кровати вздулось что-то под одеялом. Какой нормальный человек в такой час дрыхнет, будто без памяти?

Чан Цзиньянь сжала зубы, сдерживая злость, и рывком сорвала одеяло — и тут же увидела перед собой перепуганное лицо.

— Ма?.. — Ван Сяюй тут же вскочил, поспешно подтягивая одеяло повыше.

Чан Цзиньянь лишь бросила беглый взгляд, решила, что сын попросту заспался, и, не особенно сердясь, слегка пожурела его, а потом заговорила:

— Юй-эр, скажи мне вот что. Ты ведь недавно ездил в деревню Шуэймо и виделся с тем Тан Вэнем. Он ведь в прошлый раз сдал уездный экзамен, а в следующем месяце уже сдает окружной. Как думаешь, насколько он уверен в своих силах? Я вот к чему — вашу свадьбу больше откладывать нельзя. Надо непременно все устроить до осенней жатвы.

Хотя экзамен на звание туншэна считался лишь вступлением в кэцзюй, сдавать его приходилось дважды — сначала уездный, потом окружной, и всего выходило восемь этапов. Тан Вэнь уже несколько раз успешно проходил уездный экзамен, но проваливался на окружном, из-за чего до сих пор не получил официального статуса туншэна. Эти неудачи повторялись столько раз, что даже Чан Цзиньянь, крестьянка, не умеющая ни читать, ни писать, уже прекрасно знала, как устроена вся эта экзаменационная система.

Увидев, что Ван Сяюй мямлит и не может ничего толком сказать, она села прямо на край его кровати и продолжила:

— Я понимаю, в этой свадьбе мы сами навязались, это не очень-то хорошо. Но ты сам подумай — тебе вот-вот 18 стукнет, если Тан Вэнь так и не добьётся ничего, ты что, будешь всю жизнь зря на него надеяться? Да мы за эти годы столько для их семьи сделали, не сосчитать! Так что держи спину прямо, даже если и пойдешь в ту семью, они всё равно обязаны будут тебя на руках носить!

Однако, в отличие от прежних разговоров о свадьбе с Тан Вэнем, когда Ван Сяюй говорил без умолку, сегодня он вдруг стал тише воды, ниже травы и молчал как рыба. А кто, как не мать, лучше знает своего ребёнка — Чан Цзиньянь сразу почуяла неладное.

Если хорошенько подумать, странное поведение Ван Сяюй началось как раз с тех пор, как он вернулся из деревни Шуэймо. Чан Цзиньянь внимательно окинула своего младшего сына взглядом, и выражение её лица внезапно стало суровым.

— Юй-эр, скажи мне прямо: Тан Вэнь сделал что-то, за что тебе теперь стыдно?

Что именно Ван Сяюй рассказал матери, никто не знал. Только спустя этот день по всей деревне поползли новые слухи, да ещё какие: говорили, что Чан Цзиньянь впервые в жизни рассердилась на любимого сына, да так, что схватила метлу и пару раз влепила ею по тонкой белой коже своего младшенького. Ван Сяюй завыл, зовя отца и мать, а крики его были слышны всем соседям вокруг.

После этого он несколько дней не показывался из дома. Кто-то гадал одно, кто-то другое, но настоящей причины разузнать так никто и не смог — что же всё-таки стряслось в семье Ван?

Впрочем, вся эта суматоха в доме Ван по большому счёту и не была уж такой важной новостью

для всей деревни. Куда больше людей волновало другое: что будет с эпидемией, свалившей недавно чуть ли не всех деревенских ребятишек?

К счастью, всё развивалось именно так, как и предсказывал Юй Шанчжи. Прошло семь-восемь дней с тех пор, как заболел первый ребёнок, и у большинства с лёгкими симптомами уже почти не осталось следа от болезни. Несколько тяжёлых случаев тоже пошли на поправку. Юй Шанчжи, учтя особенности каждого, вновь прописал им новые рецепты — ещё дня три-четыре пить снадобье, и можно будет заканчивать лечение.

Пока дети выздоравливали, взрослым тоже было чем заняться.

Поскольку Юй Шанчжи объяснил, что причина этой болезни кроется главным образом в употреблении грязной пищи или воды, заражённой нечистотами, Сюй Байфу с тех пор каждый день обходил деревню, строго приказывая всем семьям вовремя убирать за людьми и скотиной. Хотя крестьянские семьи и жили за счёт удобрения полей, и навоз был делом нужным, но даже тут были те, кто держал всё в чистоте, и те, у кого вечно царил беспорядок и грязь. Кроме того, он активно распространял полезные знания вроде необходимости пить только кипячёную воду, мыть руки перед едой и после посещения уборной.

Если бы кто-то начал говорить такое раньше, вряд ли нашлось бы много слушателей, но теперь всё было иначе: с одобрения и Юй Шанчжи, и самого старосты деревни, все стали воспринимать эти советы как священные заветы. Прошло всего несколько дней, и перемены стали ощутимы. Шагая по деревенской дороге, можно было заметить, что в воздухе почти исчез привычный резкий запах от скотины, и ему на смену пришёл терпкий аромат полыни.

Все вдруг обнаружили, что полынь — вещь на редкость полезная: если у ребёнка ещё не прошли высыпания, можно её сжечь и пепел варить в воде для купания, в обычные дни — заваривать для ванночек или использовать в сушёном виде как отпугивающее средство от насекомых и неприятных запахов. Хорошо ещё, что полыни росло повсюду вдоволь, иначе жители Селю, пожалуй, истребили бы её подчистую.

А вместе с тем, как опасность эпидемии постепенно сходила на нет, Юй Шанчжи тоже наконец оправился и смог выйти из дома.

В то утро супруги вместе запрягли вола в повозку и направились в деревню Шуймо. По всем расчётам, заказанная у плотника Чжана деревянная стойка уже должна была быть готова, а лекарственный ящик, доставшийся Юй Шанчжи от старого лекаря Циня, имел два плохо работающих выдвигающих ящичка. Он как раз собирался показать их плотнику, чтобы тот взглянул, можно ли починить.

- Мяса дома тоже не осталось, — заметил Вэнь Ецай. — Надо будет у местного мясника взять пару цзиней.

На деле он и сам мог бы туда съездить, но после нескольких дней, в течение которых Юй Шанчжи обошёл почти всю деревню, ему и самому хотелось немного развеяться. Дома

остались Даван и Эрван охранять хозяйство, а тем временем повозка быстро покинула пределы деревни Селю. Жёлтый вол шёл резво, и путь, который раньше пешком занимал больше трёх четвертей часа, теперь занял всего половину.

Правда, незадолго до въезда в Шуймо начинался крутой подъём, и чтобы облегчить быку задачу, оба супруга спрыгнули с телеги и пошли рядом пешком.

Вскоре Юй Шанчжи не смог оторвать взгляда от роскошного зрелища — обширного поля ярко-жёлтых цветущих рапсов. Вид был поистине завораживающим — даже Вэнь Ецай, который из года в год наблюдал, как цветёт рапс в это время, невольно остановился. Среди цветов порхали белые крылатые мотыльки — капустницы, по двое, по трое, танцуя в воздухе.

- Похоже, это уже земли деревни Шуймо. У них там часто сеют рапс? — спросил он.

Рапс или бок-чой, как хозяйственно-выгодная культура, по представлениям Юй Шанчжи, в это время года всё ещё не был особо широко распространён. Большинство крестьян по-прежнему предпочитали сеять пшеницу, рис или кукурузу — зерновые, без которых не прожить. Конечно, рапс можно было выгодно продать, но за те же деньги потом нужно было покупать зерно, так что выгода выходила спорная.

- Не только в Шуймо, — объяснил Вэнь Ецай. — Самая дальняя часть этих полей вообще принадлежит нашей деревне. Но все вместе они — собственность богача Цяня. Его семья — самые крупные землевладельцы в Лянси, а родом они как раз из деревни Шуймо, так что и земли здесь у них больше всего. Сейчас вся семья уже давно перебралась в большую усадьбу в уезде, а в деревне остались только управляющие. Под их началом сотни арендаторов. Ты здесь не так давно, потому, наверное, не знаешь, но по окраинам нашей деревни как раз живёт немало арендаторов семьи Цянь. Просто они с нами почти не общаются.

Арендаторы считались почти низшим сословием — большинство простых крестьян смотрели на них свысока. И впрямь, в это время только у больших землевладельцев и хватало лишней земли, чтобы отдавать её под посевы рапса. Потому, глядя на эту дивную картину, трудно было не задуматься о той цене, что за неё заплачена — кровью и потом бедняков-арендаторов.

Юй Шанчжи оторвал взгляд от поля, и они продолжили путь. Преодолев подъём, шагнули уже на земли деревни Шуймо.

Шуймо была побольше, чем их родная Селю. К тому же здесь жило немало ремесленников, так что и люди из окрестных деревень часто приезжали закупаться — не мудрено, что здесь царил такая оживлённая обстановка.

Юй Шанчжи заметил, что с вершины холма хорошо просматривается большая водяная мельница у подножия горы — безошибочно можно было догадаться, что то и есть поместье того самого господина Цяня. В такое время, если у человека не было больших амбиций, то жить тихой жизнью местного помещика и зажиточного землевладельца было, пожалуй, самым вольготным вариантом.

Воз и впрямь остановился у дома плотника Чжана. Рослый мужик сам вышел помогать — вынес заказанные деревянные стойки и купальный чан. Чан оказался куда больше, чем Юй Шанчжи себе представлял — совсем не рассчитан на одного человека. Когда он помогал закреплять его соломенной верёвкой, ему всё казалось, будто плотник Чжан поглядывает на него и Вэнь Ецай с каким-то особым выражением.

Потому, улучив момент, когда тот отвернулся, он приглушённо спросил:

— Зачем ты купил такой большой чан? Он же, небось, дорого стоит?

Вэнь Ецай потёр нос:

— Купил один на двоих — сэкономил, считай.

Юй Шанчжи рассмеялся:

— Не думай, что я не вижу, какие у тебя там счёты в голове.

И где только таким ухищрениям научился?

Когда дело дошло до расплаты, пять деревянных стоек стоили по триста вэнь каждая, итого — полторы тысячи, то есть один лян и пять цзяней серебра. В прошлый раз Вэнь Ецай уже отдал задаток в пять цзяней, так что теперь осталось выложить ровно один лян.

А чан стоил восемьсот вэнь, из которых триста также были уплачены раньше. Оставалось доплатить пятьсот — как раз ещё один лян. Итого — два ляна ровно.

Плотник Чжан получил деньги, тщательно пересчитал, с довольным видом убрал за пазуху и с широкой улыбкой заговорил:

— Слышал я вас краем уха — вы, стало быть, из Селю? А то слышал тут от бродячего торговца, будто у вас в деревне эпидемия разыгралась, детвора вся переболела... Сейчас-то как, полегчало? А то моя жена-то всё места себе не находит, у неё родня в Селю, племянники малые, по пять лет обоим — она уж сколько дней тревожится.

Юй Шанчжи, услышав, сразу ответил:

— Всё уже почти позади. Большинство ребят пошли на поправку, ничего страшного. Не знаете, как зовут родных вашей доброй жены? Я, пожалуй, их помню.

Увидев, что плотник Чжан слегка опешил, Вэнь Ецай вовремя пояснил:

— Мой муж — врач. Это он вылечил эпидемию в Селю.

Крестьяне, как водится, к врачам всегда относились с почтением. Плотник Чжан, услышав такое, сразу сменил тон и сказал:

— У моей жены родня по матери — Лю, живут на западной окраине деревни. Старший брат её — Лю Хэйцзы.

Услышав это, Юй Шанчжи тотчас вспомнил:

— Так это же дядя Хэйцзы. Да, помню их. Те двое ребяташек действительно заразились, но перенесли легко, сейчас уже оба совершенно поправились.

Чжан облегчённо выдохнул, тут же крикнул свою жену, чтобы вышла поздороваться, и сам ещё задал Юй Шанчжи пару вопросов о здоровье.

Проводив гостей, супруги горячо поблагодарили и не скрывали восхищения:

— Теперь всё ясно. Наши деревни ведь совсем рядом — не успеешь шагу сделать, а уже у лекаря.

Может, именно потому, что Юй Шанчжи так помог с роднёй, когда он достал свою аптечку и попросил плотника глянуть, что с двумя выдвижными ящичками, тот немного покопался и подчинил всё быстро, ни монетки не взял.

Когда вышли от плотника, Вэнь Ецай неспешно гнал вола дальше и, обернувшись к Юй Шанчжи, заметил:

— У врачей, знаешь ли, всё на слуху строится — один скажет другому, другой третьему, и понеслось. Вот теперь и в деревне Шуймо про твои способности узнали. Глядишь, дня через два уже кто-то из них и к нам за лечением нагрянет.

Юй Шанчжи одной рукой придерживал вещи в телеге, чтобы не перевернулись и не задели кого-нибудь. Услышав слова Вэнь Ецай, он кивнул:

— Похоже, и правда станет всё более хлопотно. Надо бы заранее пополнить запас трав. Ты ведь собирался на днях в горы — тогда и я с тобой пойду.

Вэнь Ецай высунулся из-за стойки, с улыбкой сказал:

— Ладно, пойдём пораньше, а в полдень и не будем спускаться. Возьмём с собой сухой паёк, я

тебе ещё рыбы наловлю, поджарю прямо там.

Он взглянул на небо и добавил:

— А если бы накануне ещё и дождик прошёл — вообще было бы отлично. Тогда можно и грибов насобирать, в уезде за них хорошо платят

Юй Шанчжи тут же оживился — правда, не столько из-за заработка, сколько потому, что сразу подумал о ядовитых грибах: они были нужны ему для составления снадобья, которое он рассчитывал использовать как обездвиживающее при охоте на крупного зверя. Если уж идти в лес, то и такие грибы можно прихватить.

Такая жизнь, где каждый день наполнен делом, действительно имела вкус и смысл. К тому же они как раз направлялись к мяснику.

— Сегодня пришли рано. Если будет хороший кусок грудинки, возьмём целую полоску, сделаем тушёное мясо в соевом соусе.

С тех пор как Юй Шанчжи поправился, Вэнь Ецай каждый день выдумывал новые блюда, обязательно с рисом или паровыми булочками, — видно было, что он не успокоится, пока Юй Шанчжи не наберёт обратно все потерянные килограммы.

Мясник в деревне Шуэймо носил фамилию Цзян, жил недалеко от плотника Чжана. В обычные дни его промысел заключался в том, чтобы ходить по деревням, забивать свиней и кастрировать хряков.

До лавки ещё оставалось немного, когда Вэнь Ецай заметил на разделочном столе отличный кусок грудинки. Взвесили — ровно два цзиня. Грудинка мясо дорогое: если другие части продавались по двадцать пять вэней за цзинь, то эта доходила до тридцати. Вэнь Ецай отсчитал шестьдесят медных монет, и, вдохнув специфический запах свинины, невольно вспомнил, как недавно Вэнь-эрню говорила, что хотела бы завести поросёнка. В последнее время они всё крутились в хлопотах, и он совсем об этом забыл, как, впрочем, и о том, что надо бы снова разузнать, где можно достать хороших несушек.

Тем временем мясник Цзян нанизал мясо на верёвку, Вэнь Ецай взял его и положил в бамбуковую корзину, выстланную промасленной бумагой. Только собрался уходить, как заметил, что Юй Шанчжи с предельно серьёзным видом уставился на внутренности, сложенные в стороне от прилавка.

Свинные внутренности — это, как правило, сердце, печень, желудок, лёгкие и кишки. Кроме того, к «твёрдым внутренностям» относились голова, уши и ножки.

— Мы же уже купили грудинку, — сказал Вэнь Ецай, — что ты туда смотришь?

Такие внутренности обычно покупали те, кто не мог позволить себе мясо, или же просто любители, которые знали, как приготовить вкусно. На деле же стоили они сущие пустяки.

Юй Шанчжи, разумеется, прекрасно знал, что в это время подобные субпродукты стоили сущие гроши — ведь многие семьи даже если и могли позволить себе купить внутренности, то вот на приправы, способные сделать их вкусными, у них денег уже не было.

Его самого подобная еда не особенно прельщала, но взгляд его задержался на двух парах свиных ножек.

— Гляжу, ножки у этих свиней жирные, — сказал он. — Давай-ка возьмём одну пару. Детям есть полезно — помогут подрасти, а для геров и девушек красоту прибавят, кожу улучшат.

Вэнь Ецай от такого заявления опешил, сморщил лоб:

— Ножки... для красоты? Ты это серьёзно? Разве не говорят: что ешь — то и восполняешь*? Как это тогда восполняется?

(ПП: это пословица, в целом означает, что употребление в пищу определенных продуктов, которые похожи на человеческие органы, может питать соответствующие органы. Например, грецкие орехи похожи на мозг, поэтому употребление грецких орехов может питать мозг)

<http://bllate.org/book/13600/1205954>